

КАМИЛА ЛЕВИТАН

**Измена мужа.
Твой развод —
моя победа!**

Камила Левитан

**Измена мужа. Твой
развод — моя победа!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Твой развод — моя победа! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Я вернулась из командировки раньше срока и застала мужа с любовницей в нашей постели. А рядом лежали документы на развод и передачу моей доли в компании! Дмитрий даже не пытался оправдываться. Вместо этого потребовал пароли от рабочих серверов и пригрозил посадить моего младшего брата. На следующий день меня объявили истеричкой, отстранили от управления бизнесом, заблокировали счета и выставили из собственного дома. Но муж допустил одну ошибку. Я — финансовый директор. И прекрасно знаю, где искать следы украденных миллионов! Теперь у меня есть независимый аудитор, компромат и план возмездия. Дорогой, ты хотел оставить меня ни с чем? Тогда приготовься потерять всё!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Камила Левитан

Измена мужа. Твой развод — моя победа!

Измена мужа. Твой развод — моя победа!

Камила Левитан

Глава 1

Водитель довёз меня на сорок минут раньше, чем обещал. Я проверила время на телефоне и улыбнулась: успею застать Диму до офиса. Забрала чемодан, поблагодарила таксиста и покатила багаж к подъезду. Надо было поспать в самолёте, а я всю дорогу сочиняла, как расскажу о Сингапуре. Особенно о моменте, когда они всё-таки приняли нашу цену. Муж наверняка сказал бы: «Ну кто бы сомневался». Потом обнял бы меня. Я даже достала сувенир из чемодана, чтобы сразу вручить, — нелепого маленького льва с зубастой улыбкой. Убрала в сумку, чтобы не держать в руке. Лифт застрял на несколько секунд. Я нетерпеливо нажала кнопку этажа ещё раз и пригладила волосы в зеркале.

На нашем этаже было тихо. Слишком тихо для этого часа: Дима обычно говорил по телефону, пока искал носки. Я потянула чемодан в квартиру и у самой двери уловила сладкий запах. Чужие духи. Уборщица? Она приходила по четвергам и пахла хозяйственным мылом; я же сама выбирала средство, от которого у неё не начинался кашель. Ручка чемодана врезалась в пальцы. Пришлось остановиться и разжать их по одному. Сейчас войду, увижу кого-нибудь из его сотрудников и пойму, что зря накрутила себя. Мы ведь работаем с людьми, они иногда бывают у нас дома. Я принялась вспоминать, когда именно.

Из спальни донёсся смех. Женский, короткий, с придыханием на последнем звуке. Я уже слышала его в офисе, когда Дима рассказывал свои истории. В спальне горел свет, дверь была приоткрыта. Можно было ещё уйти. Сесть обратно в такси, позвонить мужу, дать ему время придумать объяснение. От этой мысли стало так стыдно, что я оставила чемодан у стены и пошла к двери. Только бы он не встретил меня привычным «Алин, ну ты опять всё неправильно поняла».

Дверь подалась от лёгкого толчка. Я даже не позвала его по имени.

Дима лежал поперёк нашей кровати. Рубашка расстёгнута, одно плечо голое. Виктория, его ассистент, сидела рядом, поджав колени. Я узнала даже туфли, брошенные на пол: неделю назад мы обсуждали, удобно ли ей целый день на таком каблук. Сейчас она не торопилась их надевать. Они смотрели на меня, а я почему-то смотрела на подушку. На мою подушку, у которой загибается угол наволочки. По простыне были рассыпаны бумаги. Один лист лежал у ноги Дмитрия. Мне хотелось сказать ему, чтобы убрал ногу: испачкает документ. Совсем не те слова, с которыми жена входит в такую комнату.

— Ты рано, — сказал Дмитрий. Он приподнялся на локте и посмотрел на часы. Вот это движение я знала: так он проверял, сколько ещё времени осталось до встречи. Ни попытки застегнуть рубашку, ни «я сейчас всё объясню». — Я занят.

«Я занят». Как будто я опять пришла с платёжным календарём в неудобную минуту. Хотелось спросить, сколько времени ему надо, чтобы закончить с ней. Вместо этого я шагнула к тумбочке. Ещё шаг. Пол под ногами был надёжнее всего, что я сейчас знала о муже.

На тумбочке лежала чёрная папка. Неделю назад Дима забрал её из моего кабинета: «Налоги, скукотища, сам разберусь». Я тогда ещё подумала — наконец-то решил снять с меня хоть одну задачу. Теперь достала телефон и открыла камеру. Первый снимок смазлся. Я упёрла локоть в тумбочку, сняла ещё раз. Перевернула лист, потом следующий. Он мог вырвать папку, мог забрать телефон. Пока не забирал — надо было успеть.

Иск о разводе. Раздел имущества пополам. Я задержалась на этой странице, будто могла найти там другое слово. В следующем документе речь шла уже о правах на наш стартап. Десять лет работы — и несколько строк, после которых всё перейдёт ему. Подпись Дмитрия стояла внизу. Я помнила, как он учил меня отличать её от факсимиле: «Видишь крючок? Рука сама делает». Крючок был на месте. Настоящая подпись. Он всё это подготовил, пока я спорила в Сингапуре за нашу маржу.

— Алина, положи телефон. Дмитрий сел, убрав ногу с бумаг. Я отступила на полшага, сохраняя между нами тумбочку. — Ты сейчас выглядишь очень... нестабильно. Совет директоров любит стабильность. Я сняла его подпись крупным планом. Палец дважды попал на край экрана, но кадр всё-таки получился.

Виктория вдруг всхлипнула. Я посмотрела на неё: до этого она успела убрать волосы за ухо и одёрнуть край платья. — Он принудил меня, Алина. Я боялась тебя. Он сказал, что если я откажусь, ты уволишь меня... и моих родителей тоже. Прости меня, пожалуйста. Она подняла лицо, ожидая ответа. Я даже не знала, где работают её родители. Мне это предлагалось выяснить здесь, стоя у собственной кровати?

Ещё минуту назад она смеялась. Теперь ждала, что я пожалею её и забуду про папку. Я перевела взгляд с её лица на Дмитрия: он слушал без удивления. Значит, эта версия ему подходила. Верить ей сейчас, на нашей кровати, я не могла. Проверю потом — вместе с остальным.

— Твоя роль окончена, Вика, — сказала я, не глядя на неё. — Можешь идти. Тебе не заплатят за дополнительные часы.

Дмитрий потянулся к телефону у подушки. На экране погас красный значок записи. Значит, до этой секунды он нас снимал. Я посмотрела на свой телефон, проверяя, не закрылась ли камера. — Если ты не хочешь увидеть брата в тюрьме, подпиши это сегодня же, — сказал он. — У меня есть компромат. Полный пакет. Налоговая, полиция, твои старые контракты в Европе. Один звонок, и твой любимый братик сядет на восемь лет. Он произнёс «братик» почти ласково. Когда Дима приходил к нам в гости, мой муж точно так же спрашивал его, не пора ли наконец заняться настоящим делом.

Земля ушла из-под ног. Дима. Мой младший брат. Он недавно признался, что увяз в долгах, но попросил не говорить маме. Дмитрий знал об этом. Я упёрлась ладонью в край тумбочки: если сейчас сяду, уже не встану. Только не брат. Дима, во что ты влез?

Я держалась за тумбочку и пыталась вспомнить, какой именно файл он мог иметь в виду. Брат присылал мне скриншоты, номера счетов, просил посмотреть условия займа. Я отложила на после командировки. Теперь хотелось ударить себя за это «после». — Ты думаешь, я не проверила этот файл перед тем, как войти? Вопрос вышел удачно, почти спокойно. Проверять было нечего, кроме его лица. Я смотрела, как он на это отреагирует.

Дмитрий рассмеялся. — Не надо хитрить, Алинка. Мы оба знаем, что ты не можешь рисковать семьёй. Давай ключи от офиса. Пароли от сервера. Прямо сейчас. Пока совет не узнал о нашем «семейном скандале». Ты же не хочешь, чтобы инвесторы думали, что СФО эмоционально неустойчива? Я поправила сумку на плече. Ключи лежали в её наружном кармане, и он это знал. Уже протянул руку — будто я обязана их туда положить.

Пароли. Наконец он сказал то, ради чего всё затевалось. До минуты назад я думала только о кровати, о Виктории, о том, как он смог. А ему требовался мой доступ. Я проверила его последнюю фразу про инвесторов: не попросил успокоиться, не предложил сесть — велел отдать ключи. Хорошо, о доступе я ещё способна говорить. Даже сейчас.

Я расстегнула сумку и достала рабочий планшет. Дмитрий опустил руку. Пришлось потратить несколько секунд на код: пальцы путали соседние цифры. На экране открылся список последних звонков. Артур был в нём третьим. Я нажала вызов и прибавила громкость. Артур принял его, но звук пропал.

— Алло, Артур? — сказала я в динамик. — Да, это я. Нет, командировка прошла отлично. Слушай внимательно. Мне нужны результаты аудита по транзакциям «Гамма» и «Дельта» за последний квартал. Прямо сейчас. И добавь туда проверку личных счетов Дмитрия. Все операции за последние шесть месяцев. Да, включая те, которые он проводил через офшоры на Кипре.

Дмитрий перестал улыбаться. Сначала посмотрел на планшет, потом на меня. Виктория уже не всхлипывала. На планшете шёл счёт времени, а ответа не было слышно. Я боялась, что соединение оборвётся. Тогда они увидят, как я стою со своим планшетом и жду помощи, которой нет.

— Ты... ты звонишь аудитору? — прошептал Дмитрий. — Зачем тебе внешний аудит, если ты CFO?

— Потому что, дорогой, мне нужен внешний аудит. Я всё-таки назвала его дорогим. Слово само выскочило, от него стало тошно. — Счета менялись ещё до моего отъезда. Я запросила проверку. А шантаж братом к ней тоже приложу. Думаю, совету будет интересно, зачем для налоговой оптимизации тебе мои пароли.

Что связывало его с Викторией, я пока не знала. Но передо мной лежало соглашение о передаче прав. Он пытался отжать бизнес и прикрывал это нашей спальней. До выяснения обстоятельств ни одного пароля он не получит.

Глава 2

— Алина, слышу, — наконец ответил Артур. — Я ждал твоего звонка. К утру будет предварительная сверка. Но без исходных данных я выводов не сделаю. Ты сможешь обеспечить доступ к бухгалтерии? Я повернулась к стене, чтобы Дмитрий не видел, как облегчённо закрылись мои глаза. Предварительная сверка. Никакого обещания немедленно спасти меня. Зато конкретная работа, которую ещё можно выполнить.

— Я обеспечу всё, — ответила я.

Когда вызов закончился, я не сразу убрала планшет. На экране осталась карточка Артура. Жаль, что её нельзя было оставить включённой, как свидетеля. Дмитрий первым нарушил молчание — щёлкнул языком. Он делал так и раньше, когда я портила ему настроение неприятным вопросом.

Я ждала, что он скажет: «Ну позвонила, и что?» Но он смотрел на сумку и на папку. Считал, сколько я успела снять. Я тоже считала. Семь страниц, подпись отдельно, два неудачных кадра. Когда доберусь до улицы, всё отправлю Артуру; пока фотографии остаются только у меня.

Сфотографировав последние страницы, я закрыла чёрную папку и оставила её на тумбочке. Пусть не попробует сказать, что я унесла оригиналы. Телефон убрала в сумку, всё ещё промахиваясь мимо застёжки.

— Поздравляю, дорогой, — сказала я, глядя ему в глаза. — Ты только что подписал себе приговор. И нет, это не развод. Это банкротство.

Лампа над кроватью мигнула. Я вздрогнула и чуть не выронила планшет. Дима заметил это, приподнял бровь. Мне захотелось оправдаться: устала после перелёта. Я прикусила губу. Перед ним больше не надо было объяснять, почему я дёрнулась от погасшей лампы.

До двери оказалось всего несколько шагов. Я прошла их, не глядя на Викторию. Остановись он на пороге, я не знала бы, что делать: толкать его? кричать? Он остался на кровати. Уже в коридоре я оглянулась на собственную руку — на ладони отпечатался край тумбочки. След продержится ещё какое-то время. Хотя одно подтверждение, что я это не придумала.

За дверью коридор снова встречал меня тишиной. Я вызвала лифт. Забрав чемодан, я пошла к лифту. Колёсико зацепилось за край ковра; пришлось дёрнуть ручку обеими руками. От этой нелепой возни чуть не разревелась. Сейчас добраться до улицы. Потом — сохранить фотографии.

У подъезда раскрыла зонт. Дождь барабанил по ткани, телефон в сумке завибрировал. Дмитрий. Я сбросила звонок и отправила снимки Артуру. Со второй попытки: в первый раз не попала пальцем в нужный чат.

Перед переговорной я протёрла очки салфеткой и снова надела. Снять их придётся за столом, я знала; ещё несколько шагов можно было пройти так. За стеклом уже сидели все остальные. Дмитрий разговаривал с председателем, положив ладонь ему на плечо. Моё обычное место было занято его портфелем. Я остановилась у двери, проверила порядок листов в папке и вошла. На первой странице стояли итоги квартала. Начну с них. О цифрах я могла говорить даже после бессонной ночи.

Игорь Петрович поднял ладонь. Он дружил с отцом Дмитрия и на нашей свадьбе называл меня лучшим приобретением семьи. — Алина, сядь. Сегодня обсуждаем не запуск продукта, а твоё состояние. Я посмотрела на его пустой экран. Отчёт он даже не открыл. — Моё место занято, Игорь Петрович. Дмитрий убрал портфель и отодвинул мне стул. Как заботливый муж. Двигался он теперь безукоризненно.

Я села, но папку оставила в руках. Если положу её на стол, кто-нибудь передвинет — и я снова потеряю свою очередь. — Моё состояние позволяет работать. Вот EBITDA, вот движение денег. Если отложим решение по продукту, потеряем три процента маржи. Я знала, кто сейчас задаст вопрос про расчёт. Директор по развитию всегда его задавал. Он смотрел в сторону Дмитрия и молчал. — Это не эмоция, — добавила я. — Это математика.

На слове «математика» голос подвёл. Я откашлялась, будто простудилась в самолёте. Сняла очки и положила их рядом с отчётом. Дмитрий посмотрел на мои глаза; один уголок его рта едва заметно поднялся. Я всю ночь прикладывала холодную салфетку, зря. Теперь перед ними была женщина, которая плакала. Им предлагалось обсуждать именно это.

— Я прошу оценивать мои действия, — сказала я. — Не лицо. В документах есть передача прав, которую я не согласовывала. И шантаж со стороны моего мужа. Секретарь перестала печатать. Я ждала, что она запишет последнее слово. Она посмотрела на председателя.

Дмитрий встал. Пиджак я выбирала ему сама, когда он жаловался, что консультанты навязывают всё слишком тесное. Прекрасный пиджак. Сидел хорошо. — Я прощаю тебя, Алина, — сказал он. — Но тебе надо уйти из бизнеса ради своего здоровья. Ты не справляешься со стрессом. Я не могу рисковать компанией, когда жена на грани нервного срыва. Он сделал паузу после «прощаю». Подождал, пока все посмотрят на меня. Я невольно поискала в памяти, за что должна просить у него прощения. Вот до чего он уже довёл меня.

Игорь Петрович кивнул ему. Член совета напротив отложил ручку, будто неприятный вопрос наконец разрешился. Я увидела, как Дмитрий это заметил. Любой мой резкий ответ он сейчас подаст им как подтверждение. Но молчать — тоже согласиться. Я достала распечатки: бумага хотя бы не спорит с тем, кто её читает.

— Это фальшивка! — я рванулась к столу, выбросив перед собой распечатки фотографий документов из спальни. — Иск о разводе, раздел имущества, передача прав! Посмотрите на даты! Посмотрите на подписи!

Секретарь протянула руку. Я передала папку, ожидая, что она разложит копии перед советом. Она закрыла её и прижала к ноутбуку. — Личные дела сотрудников на стратегической сессии не обсуждаем, Алина Сергеевна. Пожалуйста, успокойтесь. — Там передача прав на компанию. — Алина, — оборвал председатель. Так произносят имя ребёнка, которому уже два раза запретили вставать из-за стола. Я посмотрела на него, чтобы он хотя бы договорил приказ.

Ноги подкосились. Физическая слабость накатила волной, тошнотворная и липкая. Секретарь положила папку рядом с собой, не заглянув в отчёты. Игорь Петрович отвёл глаза. Мои отчёты они ещё вчера читали до последней сноски. Сегодня им хватило слова Дмитрия, чтобы перестать слушать.

У выхода я открыла приложение такси. Время ожидания выросло с четырёх минут до двенадцати. Под навесом все стояли тесно, и я вышла под дождь: не хотелось случайно оказаться рядом с кем-нибудь из совета. Тут же завибрировал корпоративный чат. Ссылка на видео, заголовок про скандал жены основателя. Меня сняли. Я вспомнила телефон у секретаря, повернутый камерой к залу. Пока я требовала посмотреть документы, кому-то оказалось важнее сохранить моё лицо.

Я достала телефон. Пальцы скользили по экрану, мокрые и нелепые. Нужно позвонить брату. Сергею. Старшему брату. Он разбирался в договорах лучше меня и никогда не доверял Дмитрию. Только он мог подтвердить, что Дмитрий всегда играл в эти игры.

Набор номера. Гудки. Занято. Гудки. Недоступен. Сердце пропустило удар. Сергей обычно отвечал даже с совещаний: «Что случилось?» Теперь — ничего.

Пришло сообщение с незнакомого номера. Я открыла — вдруг Сергей отвечает с другого телефона. На фотографии он сидел в «Белом кролике» напротив Виктории. Она смеялась. Брат держал стакан, как будто собирался поставить его, но фотограф поймал именно эту секунду. Я увеличила снимок. Хотелось различить выражение его лица, угадать, что она сказала. Сергей терпеть не мог разговоры с Димой о бизнесе. О чём же он беседовал с его ассистенткой?

Подпись короткая, сухая, как выстрел: «Он тоже любит играть в игры?»

Я нажала «удалить» и тут же пожалела. Послание исчезло, а лицо Сергея осталось перед глазами. Надо было переслать Артуру. Надо было сохранить номер. Вместо этого я повела себя именно так, как Дмитрий рассчитывал: захотела убрать неприятное с экрана. Я открыла список последних сообщений, хотя знала, что там его уже не будет. Обратиться к брату за помощью теперь значило ещё и спросить, что он делал с этой женщиной за одним столом.

Таксист попросил закрыть дверь: дождь заливал сиденье. Я извинилась и захлопнула её. Он спросил адрес. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы назвать собственный дом. Пока машина выезжала с парковки, я смотрела на свои туфли. С них стекала вода. Сергей наверняка сидел сейчас где-нибудь в сухом кабинете и видел мои пропущенные звонки. Может, просто не мог ответить. Я повторяла себе это, пока не приехали.

Глава 3

В квартире горел весь свет. Дмитрия не было. Я сняла туфли у порога и прошла по коридору: духи Виктории уже не чувствовались, консоль у двери пустовала — сувенир остался у меня в сумке. Уборка прошла быстро. На кухне моя чашка была перевернута на сушилке. Я зачем-то проверила, нет ли на ней помады. Чистая. И от этой чистоты стало ещё противнее: будто никто здесь меня и не ждал.

Спальню заправили. Я подошла к тумбочке — папки нет. На моей подушке лежала открытка, белая, без картинки. Взяла её двумя пальцами. Имя Виктории не было написано, но кому ещё понадобилось объясняться со мной таким способом? Читала стоя, не желая садиться на кровать.

«Прости, я не хотела. Дима сказал, что вы давно спите отдельно. Я думала, это нормально».

Я смяла открытку и швырнула на пол. Через секунду пришлось наклониться и поднять. Вчера он говорил мне по видеосвязи из нашей спальни, ложился на нашу кровать. Когда это мы успели начать спать отдельно? Я разгладила картон ладонью. Как будто он мог показать дату, когда моя жизнь изменилась без меня.

На полу осталась мокрая полоска от моих ног. Я посмотрела на неё с неожиданным удовольствием. Вот, я здесь. После того как они убрали папку и перестелили постель, осталась хотя бы эта полоска. Тапочки Дмитрия стояли у шкафа, я знала, как скрипит его дверца. Вещи те же. Хозяин теперь мог заявить, что всё произошло совсем иначе, а мне оставалось ходить

между ними и искать подтверждения. Я сложила открытку пополам и убрала в сумку. Ещё одно послание удалять не буду.

Я прошла на ярко освещённую кухню. И набрала номер юриста.

— Алина? — голос Марата звучал виновато. Он был лучшим семейным адвокатом Москвы, дорогим и циничным. — Марат, мне нужен встречный иск. Прямо сейчас. Я хочу заявить о мошенничестве, о подлоге документов, о шантаже. У меня есть фото, переписки... — Стоп, стоп, Алина. Выдохни. Его пауза висела в трубке как гиря. — Дмитрий уже подал документы на раздел имущества. Суд назначил предварительное заседание через неделю. Более того, ваши бумаги уже в деле. Алина, послушайте меня внимательно. Ваше поведение... оно попало в соцсети. Видео с совещания. Слухи о вашей эмоциональной нестабильности. Судья увидит это первым.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. — Вы хотите сказать, что он опередил меня? Юридически? — Он собрал базы, пока вы собирали эмоции. Если вы подадите встречный иск сейчас, без железобетонных доказательств, вы только усугубите положение. Дмитрий представит это как продолжение семейного скандала. Рекомендую вам сначала собрать подтверждения и не отвечать ему публично. Подумайте о мировом соглашении.

Я закончила разговор раньше, чем Марат успел снова предложить мировую. Он знал, как дорого берёт за каждый час, и всё равно решил не помогать. От этого стало особенно обидно: за работу я была готова платить, жалости не просила. Я положила телефон на стол и придвинула стакан воды. Пить не смогла. Хотелось снова набрать Сергея, но пришлось бы объяснять ему и открытку, и документы, и фотографию. Я пока не умела рассказывать всё это вслух.

Верхний свет мешал смотреть на экран, и я выключила его. На мраморе остался круг от стакана. Обычно я сразу вытирала такие следы; Дима говорил, что у меня «пунктик на порядке». Я провела пальцем по мокрому ободку и оставила как есть. До сих пор мне казалось, что если все платежи в срок, дом прибран и мужу не приходится ни о чём беспокоиться, то с нами ничего плохого не случится. Сегодня можно было хотя бы не вытирать его стол.

Зазвонил домофон. Я повернулась к экрану, но вставать не спешила. Курьеру можно не открывать. С полицией придётся разговаривать. А Дмитрию... Я ещё не знала, смогу ли выдержать его возвращение сюда после всего, что он сказал перед советом.

На экране был Артур. Совет нанял его после моих запросов по непрозрачным операциям, так что отменить проверку одним семейным скандалом Дима не мог. Я узнала аудиторский портфель, хотя сам Артур выглядел непривычно: без галстука. Видимо, не собирался изображать вечернее заседание совета у меня на кухне.

Я нажала кнопку, впуская его. Пускай пришёл с плохими новостями. По крайней мере, скажет какие именно, а не потребует сперва оценить моё душевное состояние.

У двери Артур снял ботинки. Не спросил, где хозяин, не посмотрел в сторону спальни. В руках у него была бутылка и два стакана. Я отступила, пропуская его на кухню. Хотелось спросить, зачем он принёс свою посуду, но это был уже слишком глупый вопрос после такого дня.

— Ты жива, — сказал он. — Совет послал проверить? — Компания ещё нуждается в проверке. Тебя проверять не буду. Я придержала спинку стула. Сесть или это тоже сочтут слабостью? Артур уже поставил бутылку и достал пробку.

Пробка подалась не сразу, он повернул её через край полотенца. Из горлышка пахло виски. Я смотрела, как он ставит стаканы на безопасном расстоянии от планшета. Важнее всего сейчас почему-то было это: он заметил планшет и не поставил возле него открытую бутылку. Дмитрий никогда не замечал.

— Я видел совещание, — сказал Артур, разливая виски. — Вопросы про передаваемые права никто не задал. Даже уточнить не захотели. — Зато глаза у меня красные. — На отчёте это не отразилось. Я посмотрела на него. Он уже подвинул ко мне стакан и ждал, когда я перестану держаться за стул.

Села. Разжала пальцы, оставив на спинке влажный след. Ногти впились в ладонь; раньше я замечала такое только после долгого спора о бюджете. Тогда Дима говорил, что пора перестать принимать работу близко к сердцу. Сегодня спора о бюджете даже не случилось.

— Ты привыкла считать убытки и искать, чем их покрыть, — продолжил Артур. — Вот и делай свою работу. Он хотел, чтобы после спальни и совета ты перестала смотреть на счета. — Очень успешно хотел. — Но ты позвонила мне, а не сообщила пароль ему. Давай от этого и исходить.

Я взяла стакан. На совете мой отчёт остался закрытым; Артур его помнил. Это уже было больше, чем сделал за день кто-либо ещё. Можно было открыть таблицу и не объяснять сначала, что я не сумасшедшая. Я придвинула планшет. У меня даже появилось желание поспорить с ним о каком-нибудь платеже. Обычное рабочее желание.

— Почему ты здесь? — спросила я. Стакан согрелся в пальцах, хотя я пока не выпила ни глотка. — Потому что я вижу дыры в балансе, которые Дмитрий начал создавать прямо сейчас, пользуясь временным контролем над счетами. Он выводит деньги. Маленькими траншами, через фиктивные услуги консалтинга. Он думает, что ты слишком занята спасением своей репутации, чтобы заметить цифры.

Артур сделал глоток, не морщась. — Давай посмотрим, где именно он спрятал деньги, пока ты считывала его ложь.

Я встала и включила верхний свет. Артур прищурился, подвинул бутылку, освобождая место для планшета. На яркой столешнице было легче читать строки. И легче не смотреть на дверь спальни.

Первый глоток оказался слишком большим. Я закашлялась и прикрыла рот ладонью. Артур подождал, не предлагая пить помедленнее. Когда я наконец кивнула, он развернул планшет ко мне.

— Начинай, — сказала я.

У входа в банк я проверила остаток на счёте ещё раз. Хотела снять наличные, оплатить юриста, найти жильё хотя бы на несколько ночей. Зарплата должна была прийти вчера. Крутился значок ожидания, и я нажимала на него, будто могла таким способом ускорить платёж. Внутри было тепло. Я расправила плечи, одёрнула пальто. Сотруднику банка всё равно, как я провела ночь, зато на человека в дорогом пальто он, возможно, потратит лишнюю минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.